

КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ КАК КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ФАКТОР ПОРОЖДЕНИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Communicative Situation as Cognitive-Pragmatical Factor of Generation of Poetic Discourse

Николай Фёдорович АЛЕФИРЕНКО - Ирина Ивановна ЧУМАК-ЖУНЬ

Резюме

В статье рассматривается один из факторов порождения поэтического дискурса - коммуникативная ситуация. Подробно анализируются те качества сознания адресата, которые определяют успех поэтической коммуникации. Это, по мнению авторов, интенциональность, рефлексивность и избирательность.

Ключевые слова: коммуникативная ситуация - поэтический дискурс - поэтическая языковая личность

Summary

The object of this article is to analyze the communicative situation as a part of a poetic discourse. Authors in detail consider an intention, a reflection and a choice as they are the important factors to make the poetic communication successful.

Key words: poetic discourse - communicative situation - the poetic language person

ВВЕДЕНИЕ

Процесс создания поэтического текста и процесс его восприятия - взаимонаправленные, совпадающие по своей сути когнитивные акты. Событийность поэтического текста уникальна и неповторима. Она соотносима с ситуацией обычного общения. Понятие „ситуация“ достаточно амбивалентно, обладает множеством самых разнообразных толкований в современной лингвистике (детальный обзор см., напр., в Краевская 1981). Однако в целях описания коммуникативной ситуации как когнитивно-прагматического фактора порождения поэтического дискурса его можно свести к двум определениям:

- 1) „ситуация есть отрезок, часть отраженной в языке действительности, <...> ситуация образуется в результате координации материальных объектов и их состояний“ (Гак 1972: 559) и представляет собой „положение дел, событие, отраженное в содержании высказывания и непосредственно с речевым поведением коммуникантов не связанное“ (Всеволодова 1989: 67);
- 2) отраженная в высказывании действительность не включается в понятие ситуации, последним термином именуется „релевантные экстра-текстуальные языковые и внеязыковые обстоятельства“ (Gregory - Carroll 1978: 4),

„совокупность реальных условий протекания коммуникации“ (Колшанский 1980: 73).

Из такого рода обобщений вытекает, что ситуация может пониматься и как внутритекстовый феномен, связанный с содержательной информацией (ситуация в данном случае интерпретируется с позиции семантики), и как феномен коммуникативный (если ситуация рассматривается с точки зрения прагматики).

Не будем отрицать ни один из двух подходов и данные в их рамках определения: каждое из них может достаточно эффективно „работать“ при решении различных задач дискурс-анализа поэтического текста. Для того, чтобы разграничить эти подходы, будем использовать в своей работе термины *внутритекстовая ситуация* и *внешняя коммуникативная ситуация*.

С различным пониманием коммуникативной ситуации связаны и разные представления о сущности поэтической речи. Можно говорить (1) о внутритекстовой коммуникации, представляющей собой коммуникацию между персонажами (лирический субъект, сообщаемое и лирический адресат), и (2) о коммуникации внешней, - *авторско-читательской* - которую образуют автор, лирическое произведение и абстрактный читатель. Типичной внутритекстовой поэтической коммуникацией является

коммуникация *Я-Ты*, особенности которой подробно рассмотрены в работах Ю. М. Лотмана, Ю. И. Левина, Н. А. Фатеевой и др. Отсутствие эксплицитного адресата предполагает автокоммуникативность текста: стихотворение выступает как размышление, разговор с собой, памятная запись (ср. Левин 1998: 464).

Интересующая нас тема - *внешняя коммуникативная ситуация* как когнитивно-прагматический субстрат поэтического дискурса.

Формально поэтическая коммуникация является типичным примером *неканонической речевой ситуации* (Е. В. Падучева), при которой, в отличие от канонической, пространство говорящего не совпадает с пространством адресата, время произнесения высказывания (время говорящего) не совпадает со временем восприятия (время адресата) и высказывание может не иметь конкретного адресата. Неканоническая коммуникативная ситуация характеризуется получением нового адресата при каждом новом обращении к тексту (ср.: Падучева 1996). Она адресована каждому (любому) читателю и предполагает его сопереживание. Ср. обращение к читателю И. Бродского: *Ты для меня не существуешь; я в глазах твоих - кириллица, названья... Но сходство двух систем небытия сильнее, чем двух форм существования* („Посвящение“).

Собственно, системы небытия, о которых говорил И. Бродский - это поэт (**постоянная** величина в поэтической коммуникации) и читатель (величина **переменная**). *Кириллица, названья* - это поэтический текст, по разные стороны от которого находятся адресант (поэт) и адресат (читатель). Находясь „по другую сторону текста“ от автора, читатель отличается от него когнитивно-прагматическими условиями восприятия поэтического текста, хотя для того, чтобы поэтическая коммуникация осуществилась, творческие намерения и усилия поэта и читателя должны пересекаться (ср. *сходство двух систем небытия* поэта и читателя). Поэтому следует принимать как аксиому, что условием осуществления внешней поэтической коммуникации является двуединый лингвокреативный процесс - порождение и восприятие текста.

Гипотетически адресатом может быть любой читатель поэтического текста, но включенность адресата во внешнюю коммуникативную ситуацию ещё не означает, что коммуникативный акт осуществился и произошло осмысление поэтического текста, то есть его восприятие, ведущее к пониманию. Нередко читатель не способен или не готов к подобному полноценному восприятию. По словам Л. В. Щербы, *„поэтический язык, по существу своему, не всеобщий, а может быть в отдельных случаях понятен лишь очень небольшому кругу лиц. Ведь не всякая музыка, не всякая живопись всем понятна, всем доступна, по крайней мере непосредственно“* (Щерба 1957: 27). Поэзия вообще,

и лирическая в частности, представляет собой „странную“ речь (Левин 1998: 467) - необычную и отличающуюся от всех других речевых жанров буквально во всех аспектах - прежде всего, фонетическом, графическом и семантическом: лирическое стихотворение говорит о том и так, о чем и как обычно говорить не принято, поэтому, в первую очередь, читатель поэтических текстов должен иметь определенный уровень „*дискурсивной компетенции*“ (Богин 1989), т.е. должен быть подготовлен к адекватному восприятию и интерпретации поэтической речи. Дискурсивная компетенция включает знание возможных ролей в коммуникации, владение первичными и вторичными речевыми поэтическими жанрами и соответствующими им речевыми тактиками и речевыми стратегиями. Конкретное наполнение этих коммуникативных аспектов „поэтического сотворчества“ поэта и читателя является основой типологии языковых личностей получателя поэтических текстов. Многоуровневость дискурсивной компетенции и многообразие типов языковых личностей читателя делает невозможным исчерпывающее описание „универсального читателя поэзии“, однако можно определить те основные характеристики, которые определяют „успешную“ включенность читателя в поэтическую коммуникацию.

Речь в данном случае идет о читателе *Ното роетичес* - читателе, испытывающему потребность в поэзии, читателе, для которого обращение к ней является духовной потребностью, необходимостью, а не просто обязанностью. Подобной „обязанностью“ поэзия может быть для школьников, которым „задали выучить стихотворение“, для учителей этих школьников, для корректоров, цензоров, даже для поэтических критиков (о чем писала М. Цветаева), хотя нельзя отрицать, что и для них обращение к поэтическому тексту может являться одновременно и духовной потребностью. Особое, личностное отношение к поэтическому творчеству, отличающее читателя *Ното роетичес*, зафиксировано в устойчивых оборотах *любить поэзию, любимый поэт, любимое стихотворение*.

С нашей точки зрения, основные качества сознания адресата, которые определяют успех поэтической коммуникации, - это **интенциональность**, **рефлексивность** и **избирательность**.

1. ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ

В поэтическом тексте, на который направлено внимание читателя, содержится специфическая эстетическая информация. Её доминирование обусловлено ведущей эстетической функцией поэтического языка. Я. Мукаржовский писал, что единственным постоянным признаком поэтического языка является его „эстетическая“, или „поэтическая“ функция, которую он, как

и Р. Якобсон, определял как „направленность поэтического выражения на само себя". При этом за поэтическим языком не отрицается и способность выполнять коммуникативную функцию, т.е. передавать некоторое сообщение о внешнем по отношению к тексту миру. Определяя "прагматику поэзии", он писал: „... эстетическая функция означает сосредоточение внимания на данном предмете <...> Другое существенное свойство эстетической функции - это наслаждение, которое она вызывает" (Мукаржовский 1994:55-56).

Необходимость в чтении стихов обусловлена желанием читателя **познать мир в его творческом выражении** (в гармонии), прагматическая направленность - желанием **получить эстетическое впечатление** (удовольствие): *Порой опять гармонией упьюсь, Над вымыслом слезами обольюсь* (Пушкин „Элегия").

Эстетическое восприятие предполагает разделение эмоциональной и интеллектуальной сферы, о чём в своё время писал Б. А. Ларин. Учёный выделял, во-первых, особое, отличное от всякой другой эмоциональности, чувство „переменного лирического напряжения", возникающее как „особое волнение, обусловленное восприятием стихов, - тесно связанное с первичной созерцания и всеобщностью его (как бы проникновение его в непреходящее, сверхиндивидуальное)" (Ларин 1974: 46). Ю. Тынянов назвал это чувство „художественной эмоцией" (Тынянов 1993: 79). Кроме того, Б. А. Ларин рассматривал „интеллектуально-сообщательный" аспект восприятия лирической речи, причем, по мнению исследователя (Ларин 1974: 47), „господство, просто суммарное преобладание мысленной стихии в поэзии - очевидно".

Эмоциональное переживание читателя при чтении поэтических текстов может достигать степени катарсиса (душевного потрясения). Ср. описания катарсиса при знакомстве с поэзией у ребенка (1) и зрелого человека - Л. Н. Толстого (2):

- 1) *Я - маленький, горло в ангине. За окнами падает снег. И папа поет мне: „Как ныне Сбирается вещей Олег...". Я слушаю песню и плачу, Рыданье в подушке душу, И слезы постыдные прячу, И дальше, и дальше прошу. Осеннею мухой квартира Дремотно жужжит за стеной. И плачу над брэнностью мира Я, маленький, глупый, больной (Д. Самойлов „Из детства").*
 - 2) *Лев Николаевич сказал: „...Вот я счастлив, что нашел истинное произведение искусства. Я не могу читать без слез. Я его запомнил. Постойте, я вам сейчас его скажу"... Лев Николаевич прочел тютчевское „Сумерки" тихим, прерывающимся голосом, почти шепотом, задыхаясь и обливаясь слезами... (Гольденвейзер 1959: 56-57).*
- Яркость ощущений при познании (восприятии)

поэзии ведет к душевному потрясению, новому осознанию себя в мире и мира по отношению к себе вне зависимости от возраста.

2. РЕФЛЕКТИВНОСТЬ

Обращение к поэтическим текстам должно предполагать особую читательскую компетенцию, так как они описывают ранее не бывшее состояние мира, то, что адресат не может воссоздать формально на основе имеющихся знаний. Понимание текста не сводится к простому выявлению его логико-семантической структуры (к когнитивному или семантизирующему пониманию, по терминологии Г. И. Богина), как в случае с научными или публицистическими текстами. Для смыслового восприятия поэтического текста читателю нужны, прежде всего, навыки **рефлексивной мыслительной деятельности**, которые позволяют компенсировать незнание отдельных фактов и получить необходимые „выводные данные". Это сложная перцептивно-мыслительная деятельность, которая включает в себя осмысление и предполагает работу памяти. Чтобы восстановить смысл, порожденный полученным текстом, читатель вынужден обратиться к собственным творческим способностям, знаниям, мыслям, чувствам, воображению и фантазии. Если использовать терминологию Г. И. Богина, это механизмы так называемого *распредмечивающего* понимания. „*Распредметить*, - пишет Г. И. Богин, - *значит восстановить при обращении рефлексии на текст какие-то стороны ситуации мыследействования продуцента (или восстановить то, во что эти ситуации мыследействования превратились в ходе последующего бытования текста в обществе, вообще среди людей; такое восстановление приводит к выявлению или даже к появлению многих граней понимаемого, что соответствует многоаспектности бытования текста в обществе)*". Рефлексия не просто отражает авторское сознание, но способствует порождению новых смыслов. Эти смыслы в некоторых случаях не совпадают (или лишь частично совпадают) с теми смыслами, которые вкладывал в них автор. Сомнения в том, что стихотворные смыслы правильно будут истолкованы читателем, не раз высказывали и поэты. Ср.: *Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя? Поймет ли он, чем ты живешь? Мысль изреченная есть ложь...* (Тютчев „Silentium!"); *Но не выразить изустно, Чем так смутно полон я (Вяземский „Дорожная дума"); Тебе - но голос музы тёмной Коснётся ль уха твоего? Поймёшь ли ты душою скромной Стремленье сердца моего?* (Пушкин „Полтава").

„В поэтическом дискурсе языковая личность как субъект речемыслительной деятельности (писатель - читатель) и её продукт (текст) хотя и пребывают в особом, неявно выраженном

взаимодействии, объединяются единым пространственно-временным полем представляемой ситуации" (Алефиренко 2006: 9). Важным условием возможности достижения взаимопонимания автора и адресата является наличие „общих мест" в тексте, т. е. такой информации, которая известна обоим участникам коммуникации.

Это, прежде всего, закономерности использования того единого кода, которым в данном случае оба они пользуются, - поэтического языка. Поэтический язык - это язык-загадка, так как преимущественное употребление в поэтических текстах знаков вторичной номинации (в широком смысле слова - знаков-метафор) предполагает многоступенчатый характер интерпретации. За поэтическими тропами адресат должен увидеть образ и определить тот смысл, который вкладывает в него поэт. В. Дементьев отмечает, что „понимание смысла тропа отталкивается от стандартных значений лексем, но в сознании читателя действует некий механизм, позволяющий Добавлять' смыслы к буквальному содержанию высказывания" (Дементьев 2006: 72). Этот механизм действует только в условиях внешней коммуникативной ситуации поэтического дискурса. Так, фраза А. С. Пушкина *Пчела за данью полевой летит из кельи восковой* может натолкнуть читателя на очень разные мысли, чувства, ассоциации, предположения, однако *"встретив выражения полевая дань и восковая келья не в поэтической речи, человек, скорее всего, будет обескуражен"* (там же).

В поэтических структурах возникают упорядоченности, не подразумеваемые структурой естественного языка, поэтому важную роль при восприятии текста играют различного рода *пре-суппозиции*. В качестве опоры для осуществления рефлексивной деятельности могут выступать языковые знания (как грамматические, так и лексические), текстовый контекст, тема или ситуация текста, собственный опыт - как читательский (опора на интертекст), так и жизненный (опора на культурные универсалии, общечеловеческие ценности, знание особенностей человеческой психологии, здравый смысл, наконец) и др.

Таким образом, **рефлексивная мыслительная деятельность совпадает с общим направлением развития высших психических функций**, которое идёт „не по типу эволюции по чистым линиям (когда то или иное свойство совершенствуется само по себе), а по типу создания новых, опосредованных структур психических процессов и новых межфункциональных' отношений, направленных на осуществление прежних задач новыми способами" (Лурия 1969: 32). Следовательно, **деятельность сознания, связанная с восприятием поэтического текста, способствует совершенствованию воспринимающего сознания, его развитию.**

3. ИЗБИРАТЕЛЬНОСТЬ

Немаловажную роль в успехе поэтической коммуникации играет такое свойство сознания, как избирательность, которое заключается в том, что из некоторого числа поэтических воздействий выбираются с большей отчётливостью и осознанностью лишь некоторые из них. Избирательность восприятия зависит от установок, интересов, потребностей личности по отношению к воспринимаемому, богатства знаний - того, что в психологии называется апперцепцией. **Поэтическая апперцепция** основана на **способности к сотворчеству** - для того, чтобы понять (постичь) поэтические смыслы, читатель должен стремиться мыслить как поэт. Опыт искусства (эстетическое познание) заключает в себе особые, единственные в своем роде возможности воспринять и пережить бытие другого как другое Ты (*das fremde Du*), а в нём - вновь своё Я, при этом, разумеется, обогатив его (Яусс: 193-194). **Для достижения взаимопонимания коммуникантам необходимо обладать, кроме общности знаний об используемом языке, и общностью знаний о мире в форме образов сознания.**

Специфика поэтической коммуникации заключается в том, что для поэзии - может быть, для единственного вида творчества, важно **не только понимание, но и „ощущение поэзии"**, своеобразное „непонимание", которое вынуждает читателя вновь и вновь обращаться к поэтическому тексту, чтобы расшифровать те смыслы, которые остались неразгаданными. Особенности подобного „непонимания" ярко описаны в стихотворении М. Ю. Лермонтова „Есть речи - значенье...":

*Есть речи - значенье Темно
иль ничтожно, Но им без
волненья Внимать
невозможно. Как полны их
звуки Безумством желанья!
В них слезы разлуки, В них
трепет свиданья. Не
встретит ответа Средь
шума мирского*

*Из пламя и света
Рожденное слово; Но
в храме, средь боя И
где я ни буду,
Услышав, его я
Узнаю повсюду. Не
кончив молитвы, На
звук тот отвечу, И
брошусь из битвы
Ему я навстречу.*

Именно избирательность в данном случае определяет необходимость лирического героя в словах, значение которых темно иль ничтожно. С другой стороны, именно избирательность определяет необходимость других читателей в „понятных стихах": *Пусть читатель вероятный Скажет с книжкой в руке: - Вот стихи, а все понятно, Все на русском языке...* (Твардовский „Василий Теркин").

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Успешное восприятие поэтической коммуникативной ситуации обусловлено, во-первых, определенным уровнем языковой (в том числе и поэти-

ческой) компетенции читателя; во-вторых, такими свойствами воспринимающего сознания, как интенциональность, рефлексивность и избирательность. Образное мышление и воображение читателя направлено на осмысление и интерпретацию поэтического текста, причём его смысловое восприятие мотивировано желанием познать мир в его творческом выражении и получить эстетическое удовлетворение.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ

GREGORY, M. - CAROLL, S. (1978): Language and situation. Languages and their social context. London: Routledge and Kegan Paul.

АЛЕФИРЕНКО, Н.Ф. (2006): Текст и дискурс в фокусе языковой личности. In: *Языковая личность - текст - дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования. Ч. 1.* Самара, с. 6-10.

БОГИН, Г.И. (1989): *Схемы действий читателя при понимании текста.* Тверь. **ВСЕВОЛОДОВА, М.В.** (1989): Коммуникативные механизмы синонимии. *Русский язык за рубежом*, №4, с. 65-70.

ГАК, В.Г. (1973): Высказывание и ситуация. In: *Проблемы структурной лингвистики.* М., с. 350-372.

ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР, А.Б. (1959): *Вблизи Толстого.* М.: Гослитиздат.

ДЕМЕНТЬЕВ, В.В. (2006): *Непрямая коммуникация.* М.: Гнозис.

КОЛШАНСКИЙ, Г.В. (1980): *Контекстная семантика.* М.

КРАЕВСКАЯ, Н.М. (1981): Ситуация как фактор дифференциации типов устной речи. In: *Лингвистические особенности научного текста.* М.

ЛАРИН, Б.А. (1974): *Эстетика слова и язык писателя.* Л. **ЛЕВИН, Ю.И.** (1998): Лирика с коммуникативной

точки зрения. In: *Избранные труды: Поэтика. Семиотика.* М., с. 464-482.

ЛУРИЯ, А.Р. (1969): *Высшие корковые функции человека.* М.

МУКАРЖОВСКИЙ, Я. (1994): Эстетическая функция, норма и ценность. In: *Исследования по эстетике и теории искусства.* М.: Искусство, с. 55-56.

ПАДУЧЕВА, Е.В. (1996): Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. In: *Семантика нарратива.* М.

ТЫНЯНОВ, Ю.Н. (1993): Блок. In: *Литературный факт.* М.: Высшая школа, с. 224-229.

ШЕРБА, Л.В. (1957): Опыты лингвистического толкования стихотворений: „Воспоминание” Пушкина. In: *Избранные работы по русскому языку.* М.: Учпедгиз, с. 26-44.

ЯУСС, Г.-Р. (1997): К проблеме диалогического понимания /Пер. В.Л. Махлина/. In: *Балтийский сборник-3.М.,с. 182-197.*

